

Ли Жун взял микрофон и вышел на трибуну. Он посмотрел в зал: огромная ступенчатая аудитория была забита до отказа, люди сидели даже в проходах.

Чуть отведя микрофон в сторону, он глубоко и тяжело вздохнул.

Глядя на эту сцену, юноша не мог не испытывать смешанных чувств. Когда-то трибуна Университета А была для него привычным местом: после поступления в Исследовательский институт «Хунсо» он часто возвращался сюда, чтобы читать лекции младшекурсникам своего факультета.

Но с тех пор прошло два года. Два года, в течение которых он ни разу не занимал это место.

То, что когда-то казалось рутинной, теперь вызывало странное чувство скованности. Ли Жун задумчиво вертел в пальцах устройство, его губы шевельнулись, но он так и не смог сразу подобрать нужные слова для вступления.

К счастью, его лицо, как всегда, сохраняло ледяное спокойствие, и сидевшие в зале студенты не заметили внутреннего смятения.

Юноша опустил взгляд и едва заметно улыбнулся.

В этот миг его глаза сощурились, а в глубине зрачков заиграл чистый, яркий свет, казавшийся теплее солнечных лучей за окном. Холодная, неприступная аура мгновенно развеялась, уступив место обезоруживающей искренности и мягкости.

— Признаться, я не думал, что мне представится шанс вновь стоять перед вами — с чистым именем — и рассказывать о «Люйиньсюй».

Ли Жун договорил и снова опустил микрофон.

Эти слова шли от самого сердца. Он выбрал путь, финал которого скрывался в тумане: до последнего момента было неясно, ждет ли его в конце всеобщее ликование или же пепелище, на котором сгорит он сам. Ему хватило ума, упорства и капли ударившей в нужный момент удачи, чтобы тучи наконец разошлись и показалось солнце.

В аудитории воцарилась мертвая тишина. Сотни людей не издавали ни звука.

В такие минуты любые слова утешения казались пустыми. Ли Цинли и Гу Нун уже ушли из жизни, и нанесенные им раны было не залечить никакими извинениями, даже если сам их сын сейчас ни на что не жаловался.

Кадык юноши дернулся. Подавив нахлынувшие эмоции, он взял кусочек мела.

— Перейдем к вопросам, которые волнуют всех. Проект по воссозданию «Люйиньской» выполнен уже более чем наполовину. Моя лаборатория...

Хотя он два года не стоял за кафедрой, адаптация прошла стремительно. Всего за десять-пятнадцать минут от начальной неловкости не осталось и следа — движения стали уверенными и естественными.

Ли Жун не стал углубляться в запредельные дебри науки и даже не готовил презентацию. Он просто набросал на доске краткий план, а затем простым и понятным языком подробно изложил ход эксперимента и терапевтическую логику препарата.

Среди слушателей было много журналистов и студентов других специальностей. Им не требовались тончайшие нюансы биохимии — им нужно было знать лишь одно: идет ли работа успешно.

В зале было слишком много людей. Несмотря на работающие кондиционеры, Ли Жун вспотел. Капли пота скатывались по шее за воротник, влажно поблескивая в лучах солнца. Белая сорочка намочила и плотно облепила спину, но он не смел расстегнуть даже верхнюю пуговицу.

Из-за долгой речи его голос немного охрип и ослаб, приходилось время от времени останавливаться, чтобы прочистить горло.

И всё же в этот момент юноша был невероятно притягателен. Рассуждая о своей профессии, он говорил свободно и красноречиво, каждое его движение было преисполнено уверенности, а глаза сияли азартом. Внимание толпы не тяготило его — он искренне наслаждался процессом самовыражения.

Когда лекция подошла к концу, Ли Жун открыл бутылку минеральной воды и сделал несколько жадных глотков.

Он мельком взглянул в объектив камеры, ведущей прямую трансляцию в конце зала, прикрыл глаза ресницами и глубоко вдохнул.

— В ту ночь, когда с моими родителями случилась беда, они сказали мне одну вещь. Они до последнего хотели верить, что разумных людей в нашем обществе большинство. Что найдутся добрые и проникательные души, которые помогут нам увидеть правду. Они никогда не собирались снимать с себя ответственность и были готовы приложить все силы, чтобы возместить ущерб партнерам и семьям добровольцев. Поэтому, честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему они внезапно потеряли волю к жизни. Ведь их мечты не были исполнены, а бактериальная прогерия так и не побеждена... Возможно, на этот вопрос мне уже никто не ответит. Но их жизнь продолжится вместе с «Люйиньской». И в этом я вижу высший смысл всего, что я делаю.

Закончив, Ли Жун коротко кивнул, передал микрофон сотруднику и молча покинул аудиторию, оставив зрителей в глубоком, тягостном раздумье.

Запись его выступления мгновенно разлетелась по соцсетям, заполнив ленты студентов и преподавателей Университета А. Не прошло и полдня, как видео достигло Исследовательского института «Хунсо».

Чан Ли запустила ролик и показала его Янь Ючжуну.

— Профессор Ли и профессор Гу действительно говорили такое перед смертью?

Янь Ючжун долго молчал, после чего из его груди вырвался короткий холодный смешок.

— Чжан Чжаохэ рассказывал совсем другое.

Чан Ли стиснула зубы. Хотя она и раньше догадывалась о неладном, видеть доказательство воочию было невыносимо.

— И что же он говорил?

— Он утверждал, — вступил в разговор Ли Юнши, — что профессора были раздавлены чувством вины. Якобы они считали свою участь заслуженной карой, впали в глубочайшую апатию и хотели лишь одного: взять всю вину на себя, чтобы не доставлять проблем остальным.

— Но Ли Жун был последним, кто видел их живыми, — возразила Чан Ли. — И он говорит, что они не теряли надежды.

— Именно, — вздохнул Ли Юнши. — Они были готовы нести ответственность. Но они не собирались спастись бегством через смерть.

Чан Ли крепко сжала смартфон, её голос звучал бесконечно устало:

— Теперь в группе «Высокая башня» у многих откроются глаза.

— Будем надеяться, — отозвался Янь Ючжун.

До этого момента он и представить не мог, что окажется втянут в столь нелепую мистификацию. Все они — взрослые люди, ученые — безоговорочно поверили Чжан Чжаохэ,

человеку без каких-либо реальных научных достижений.

В тот день в Группе царило необычайное молчание. Никто не решался комментировать выступление Ли Жуна. Но каждый в глубине души понимал: слова юноши в корне противоречат версии Чжан Чжаохэ. Вот только признать правоту Ли Жуна сейчас означало признать, что двадцать тысяч человек выставили себя полными дураками.

Чан Ли не выдержала и написала в чат: «Вы видели сегодняшнюю лекцию Ли Жуна? Он действительно выдающийся талант».

На самом деле она хотела привлечь внимание к финалу речи, где он упоминал родителей.

Кое-кто отозвался дежурными фразами:

«Да-да, конечно».

«У Ли Жуна блестящее будущее, это бесспорно».

«Ох, еще не успел глянуть, весь день в делах».

«О какой лекции речь?»

Чан Ли в ярости закатила глаза, указывая коллегам на экран:

— Ну что за притворство! Ленты в соцсетях пестрят этим видео, не поверю, что они ничего не заметили!

Янь Ючжун горько усмехнулся:

— Ты слишком упрощаешь. Чжан Чжаохэ годами выстраивал свой авторитет. Свергнуть его не так-то просто. Ведь признать его лжецом — значит признать, что все эти двадцать тысяч человек просто посмешище.

Ли Юнши добавил:

— Никто не хочет признавать, что его обманули. Но и возразить Ли Жуну они не могут. Вот и включают дурака. Поначалу я был таким же: не хотел верить, что Чжан Чжаохэ на такое способен, не хотел признавать собственную глупость и доверчивость. Но истина есть истина. Рано или поздно её придется увидеть.

— Но у нас ведь есть профессор Цзян! — воскликнула Чан Ли. — Он вот-вот станет директором

Института.

— Именно поэтому Чжан Чжаохэ всячески пытается отодвинуть его на второй план, — пояснил Янь Ючжун. — Пока у него это не слишком получается, но если профессор Цзян пойдет на открытый конфликт, и Институт, и Группа «Высокая башня» погрузятся в хаос.

— И так нельзя, и этак нельзя... С ума сойти можно! — Чан Ли была вне себя от возмущения.

— Нам остается только делать свое дело, — подвел итог Ли Юнши. — Невозможно обманывать всех и всегда.

Когда Ли Жун после обеда пришел в лабораторию, он не успел перекинуться и парой слов с коллегами — его тут же вызвал к себе Цзян Вэйдэ. Тот уже вовсю занимался делами исполняющего обязанности директора и в последнее время был настолько загружен, что почти не видел своего ученика. Однако сегодня он просто обязан был найти время.

Едва юноша переступил порог, профессор Цзян плотно закрыл дверь на замок.

Ли Жун уселся на диван, притянул к себе декоративную подушку и невинно улыбнулся:

— Что случилось, учитель? К чему такая таинственность?

Цзян Вэйдэ глубоко вздохнул и с предельно серьезным видом уставился на него:

— Я спрошу тебя один-единственный раз, и ответь мне честно. Твои родители действительно говорили те слова перед смертью?

После просмотра лекции мысли профессора спутались. По правде говоря, он никогда не мог до конца поверить, что Ли Цинли и Гу Нун так решительно свели счеты с жизнью. Они были воплощением оптимизма, света и доброты.

Но наставник понимал и другое: никто не застрахован от надлома под гнетом чудовищных оскорблений и травли. Даже самый сильный духом человек. Эмоции — коварная штука, решение уйти может возникнуть в один миг. Миг, когда надежда гаснет, а смерть кажется единственным избавлением. Возможно, секунду спустя человек передумал бы, но становится уже поздно.

Таких примеров было множество. Ли Цинли и Гу Нун были обычными людьми — кто мог гарантировать, что они не стали жертвами подобного импульса? Даже сам Цзян Вэйдэ не мог поручиться, что выстоял бы в той удушающей атмосфере ненависти.

Ли Жун на мгновение замер. Он поднял глаза на наставника, перестал теревить подушку и, не переставая улыбаться, пристально посмотрел на профессора, не давая ответа.

От напряжения у Цзян Вэйдэ вспотели ладони. Он повторил вопрос:

— Они ведь не отказывались от жизни добровольно, так?

Юноша покачал головой и тихо, почти буднично рассмеялся:

— Учитель, вы можете думать так, как вам угодно. Пусть ответом будет то, во что вы сами хотите верить.

— Ты! — Профессор вспыхнул от досады, но, глядя на непроницаемое лицо ученика, понял: правды он не добьется никогда. Оставалось лишь тяжело вздохнуть. — Ох, мальчик... Смотри, как бы ты сам не сгорел в этом пламени.

Он понимал: Ли Жун планомерно подтачивает сам фундамент власти Чжан Чжаохэ. Как только вера Группы пошатнется, его могуществу придет конец.

Юноша лениво поднялся, потер покрасневшие от усталости глаза и пробормотал:

— Я понял.

Цзян Вэйдэ нахмурился:

— Не смей так наплевательски относиться к здоровью! Снова всю ночь в лаборатории проторчал? Ты хоть знаешь, как помолодели сейчас многие «старческие» болезни?

— Угу... — Ли Жун виновато моргнул. — Я пойду в лабораторию.

— Стой! — Профессор заботливо придержал его. — Ты в прошлый раз говорил, что овощные лепешки жены твоего наставника очень вкусные. Если хочешь, я буду приносить тебе по утрам порцию, мне не трудно.

В глазах юноши заплясали искорки. Ничуть не смущаясь, он ухватился за рукав Цзян Вэйдэ и, словно капризный ребенок, слегка встряхнул его:

— Только не одни овощи, учитель! Я еще расту, добавьте мне туда мяса.

Профессор фыркнул:

— Ишь ты... какой требовательный.

Когда Ли Жун, позевывая, ушел, Цзян Вэйдэ невольно посмотрел на свой рукав. То, как естественно и непринужденно юноша ластился к нему, выпрашивая еду, создавало странную иллюзию, будто они знакомы много лет. Движения были слишком привычными, слишком родными.

Наставник не хотел признавать это вслух, но то, что Ли Жун искал у него тепла и заботы, доставляло ему глубокое, почти отеческое удовольствие.

Пролетело два месяца.

Наступил июль. Город А превратился в раскаленную печь. В этом году жара пришла необычайно рано; солнце нещадно палило, от асфальта исходил тяжелый запах дегтя, а кондиционеры в лаборатории гудели, не умолкая ни на минуту.

Ли Жун снял защитные очки и протянул Цзян Вэйдэ папку с результатами работы.

— На данный момент воссоздание «Люйиньсюй» полностью завершено. Как только запустим производственную линию, можно будет переходить к первой фазе клинических испытаний.

Чан Ли и остальные сотрудники десятки раз перепроверяли каждый этап процесса. Они были уверены в отсутствии ошибок, но никто не решался объявить о результате, пока его не утвердит профессор Цзян.

Тот надел очки для чтения и принялся досконально изучать представленную статью.

Спустя несколько часов напряженного чтения Цзян Вэйдэ поспешил в лабораторию, чтобы лично проверить полученный Ли Жуном порошок до его прессования в таблетки.

Профессор поправил очки и замер, шумно втянув воздух. У Чан Ли сердце ушло в пятки:

— Профессор Цзян, что-то не так?

Цзян Вэйдэ нахмурился, медленно кивнул, но тут же покачал головой:

— Теоретически всё безупречно. Вот только... состав немного отличается от тех данных по «Люйиньсюй», что я видел раньше.

Чан Ли опешила:

— Как такое возможно? Ли Жун ведь помнит оригинальные записи наизусть!

Юноша мягко улыбнулся:

— В основе своей они идентичны. Я лишь позволил себе добавить несколько собственных идей.

Он говорил скромно, но каждый в этой комнате понимал: чтобы вносить коррективы в проект такого уровня, нужно обладать колоссальным багажом знаний и талантом истинного исследователя. Обычный человек не смог бы даже до конца осмыслить оригинальный эксперимент, не говоря уже о каких-то инновациях.

Лицо Цзян Вэйдэ мгновенно стало предельно серьезным:

— Эта технология активации Т-клеток... я никогда не видел ничего подобного. Ты применил её, чтобы снизить нейротоксичность и уменьшить выброс воспалительных цитокинов?

Ли Жун кивнул:

— Именно. Теоретически, это должно сработать.

На самом деле он знал: это не просто «должно», это «обязательно» работает. Ведь Цэнь Сяо рассказывал, что в его прошлой жизни первая фаза испытаний Проекта GT201 прошла успешно.

Цзян Вэйдэ в восторге схватил Ли Жуну за руку, его глаза сияли:

— Да! Я тоже вижу, что эта технология реализуема! Это делает «Люйиньсюй» на порядок безопаснее!

Только тогда Чан Ли смогла облегченно выдохнуть:

— Ох, напугали вы меня.

Янь Ючжун наклонился к самому уху Ли Юнши и прошептал:

— Ты слышал? Он сам это придумал.

— Слышал, — эхом отозвался тот.

— Мы всё еще недооцениваем его, — продолжал Янь Ючжун. — Даже представить не можем, насколько.

— Невероятно... В двадцать лет. Просто невероятно.

Цзян Вэйдэ в волнении прошелся по лаборатории.

— Я считаю, мы можем начинать первую фазу! Чан Ли, немедленно сообщи эту радостную новость Группе «Высокая башня». Ли Жун, ты тоже можешь сделать официальное заявление. Два месяца... Всё, что ты сделал за это время, имеет колоссальное значение!

Сам юноша сохранял куда большее хладнокровие, чем его наставник. Спрятав руки в карманы лабораторного халата, он негромко произнес:

— Учитель, в этой статье по GT201 я хотел бы указать вас в качестве корреспондирующего автора.

Цзян Вэйдэ замер в изумлении и замахал руками:

— Нет-нет-нет! Это полностью твоя заслуга. Я лишь наблюдал со стороны, я не смею претендовать на эту честь.

Но Ли Жун посмотрел на него со всей серьезностью:

— Учитель, вы этого достойны.

<http://bllate.org/book/15351/1574761>